

ИСТОРИЯ

ПОЗДНИЕ САРМАТЫ НА ГРАНИЦАХ РИМА

А. А. ТУАЛЛАГОВ,
доктор исторических наук, зав. отделом археологии
СОИГСИ им. В. И. АБАЕВА

Закат сарматской эпохи в IV в. н. э. ознаменовался бурными военными событиями, в которые были втянуты и некоторые сарматские народы, предки которых некогда были хозяевами обширнейших территорий Евразии. Но к указанному периоду владения сарматов резко сократились, ограничиваясь землями на западе Восточной Европы. Здесь, в первую очередь, сарматы сталкивались с германскими народами, а также с хоть и слабеющей, но все еще достаточно могущественной, жестокой и коварной Римской империей. Современные исследователи, как представляется,

уделяют мало внимания данным событиям, которые, на мой взгляд, могли бы дать в их руки весьма важную информацию о сарматских традициях.

В начале 330-х гг. владения сарматов становятся объектом военного вторжения. Исидор Севильский сообщает о нападении на области сарматов готов (Isid. Hist. 5). Иордан фиксирует вторжение готов под предводительством Визигойя, ставшего впоследствии героем эпических песен, в земли сарматов, для чего было необходимо переправиться через большие реки – Тизию, Тибизию и Дрику. Причем, Иордан замечает, что

Визигойя погиб от сарматского коварства (*Sarmatum dolo occubuit*) (*Iord. Get.* 48, 178). Исследователи видят в данном сообщении отражение обращения терпевших неудачи сарматов за помощью к Риму.

Призыв исконного врага многих варварских народов в глазах последних вполне мог вызвать подобную оценку. Евсевий Кесарийский, Иероним, Проспер Аквитанский сообщают о победе римлян над готами в области сарматов (*Euseb. Chron.* 2348, *Hieron. Chron.* а 2348, *Prosper. Chron.* 1036), или в самой середине варварской земли (*Oros. VII.* 28, 29, *Anon. Vales. Pars. prior.* VI. 34). О победе римлян сообщают и другие авторы (*Isid. Hist.* 5, *Aur. Vict. De Caesar.* XLI. 12). Согласно Сексту Аврелию Виктору, победа римлян состоялась накануне провозглашения Константа (Константин I, 306-337 гг.) цезарем, произошедшим в 333 г. Константинопольская летопись относит начало войны к 20 апреля 332 г. (*Cons. Constantinop.* а 332).

Воспоминания об упомянутой резко негативной реакции варварских народов на призыв сарматами себе на помощь римлян сохранялись в устной традиции до VI в., что свидетельствует о мощном моральном осуждении подобных действий со стороны. Следует отметить, что такое поведение сарматов представлялось бесчестным и с той позиции, что до этого сами сарматы, как и многие другие варвары, воевали с Римом. Сложившееся положение могло послужить, по крайней мере, серьезным поводом для возникновения разногласий в самой сарматской среде. Так и произошло, хотя последующие события раскрывают нам и иные причины, т. е. римский фактор стал лишь катализатором в решении внутрисарматских проблем.

Евсевий сообщает, что, когда против «савроматов» (сарматы – А. Т.) восстали «скифы» (готы – А. Т.), те вооружили для сопротивления своих рабов. Победившие рабы восстали против господ и изгнали их с родины. Те обратились за милостью к Константину, который принял пригодных в свои войска, а остальным роздал земли в римских владениях для обработки (*Euseb. Vita Const.* VI. 6, 1-2). В одной из рукописей, найденной иезуитом Яковом Сирмондом и впервые опубликованной Валезием в конце издания Аммиана Марцеллина, рассказывается, что Константин в 332 г. разгромил готов и оказал помощь умолявшим о ней сарматам. Затем он обратился против сомнительных в своей верности сарматов. Но рабы последних возмутились против своих господ. Те, став изгнанниками, были приняты (около 300 000) императором и расселены по Фракии, Скифии, Македонии и Италии (*Anon. Vales. Pars. prior.* 6. 30). К данным событиям относят [1, 144] и стихотворные строки Авсония о том, что сарматским поселенцам были недавно отмерены земли в Галлии.

Возможно, с теми событиями связано упоминание Евтропием о победах римских императоров над карпами, бастарнами и сарматами. Многие пленные из этих народов были поселены в римских пределах (*Eutr.* IX. 25). Павел Орозий также сообщает, что римские правители храбро сражались с карпами и бастарнами, затем победили сарматов и распределили огромное количество пленных по пограничным римским крепостям (*Oros. VII.* 25, 12).

Согласно Аммиану Марцеллину, сарматы были некогда могущественны и успешно грабили римские владения с подчиненной им частью других сарматов, считая тех своими рабами. Но затем рабы составили тайный заговор, подня-

ли восстание и изгнали своих господ. Те бежали к далеко живущим виктогалам, предпочитая подчиниться им, чем бывшим рабам (Amm. Marc. XVII. 12, 1-21). Иероним отмечает, что сарматы-лимиганты (варианты: limicantes, eliminates, eliminantes) составили отряд и изгнали на римскую почву своих владык, которые теперь именуются ардарагантами (варианты: arcaragantes, agaracantes, argaracantes) (Hieron. Chron. a 2350).

Таким образом, мы узнаем, что некогда мощное и противостоящее Риму сарматское объединение имело дуальную систему, при которой одна часть рассматривалась как правящая в этом объединении, а вторая подчинялась ей. Несмотря на временные союзнические отношения сарматов с Римом, последний сохранял негативное отношение к сарматам. В результате же боевых действий, вызванных вторжением готов и приходом на помощь сарматам Рима, который при том продолжал активную антисарматскую политику, сарматское объединение оказалось расколотым. Вспыхнувшее в нем вооруженное противостояние привело к изгнанию его правящей части. Причем, прежние правители сарматского объединения, сарматы-ардараганты, также были расколоты. Одни из них предпочли подчиниться Риму, другие подчинились иноэтничным варварским объединениям. Прежде же, зависимые от своих господ сарматы, сарматы-лимиганты, с помощью оружия завоевали свободу. Сами события наиболее справедливо датируются не 330 г. [2, 182], а 334 г. [1, 143-144].

Следующие сведения о судьбе сарматов-ардарагантов и сарматов-лимигантов связаны с событиями, разыгравшимися четверть века спустя. В 350-370 гг. на Среднем Дунае происходили кровопролитные войны между римской армией и

варварскими народами, среди которых действовали и различные сарматские объединения [3, 105-123]. Самые полные сведения о тех событиях сохранил для нас Аммиан Марцеллин. В то же время он является и практически единственным источником, повествующем о сарматах-ардарагантах и сарматах-лимигантах, что ограничивает возможность верификации предоставляемой информации.

В 357-358 гг. римскому императору Констанцию II (Константин II Флавий Юлий, правивший в 337-361 гг.) пришлось столкнуться с грабительскими набегами конных отрядов сарматов и союзных им квадов в придунайских провинциях, Первая и Вторая Паннонии и Верхняя Мезия. Совершая свои набеги, сарматы и квады разбежались по обширным пространствам, кого-нибудь преследуя или спасаясь от кого-нибудь бегством (Amm. Marc. XVII. 12, 1-3). В 358 г., сразу после весеннего равноденствия, римский император выступил против них из Сирмия (совр. Митровица). Он стремительно переправился через Дунай по понтонному мосту в места обитания сарматов, лежавших напротив Второй Паннонии и Валерии, и нанес им поражение. Спасшиеся в горах сарматы и прибывшие им на помощь квады постарались организовать контрнаступление, но вновь были разбиты. Римляне устремились во владения квадов. Тогда уstraшенные варвары решились пойти на заключение мира (Amm. Marc. XVII. 12, 4-21).

Сарматский царевич Зизаис привел с собой знать и зависимых правителей Румона, Зинафра и Фрагиленда. Констанций II даровал им мир, разрешив остаться на местах прежнего проживания. Мир был заключен и с прибывшим правителем части трансюгитанов и квадов Арагарием, а также с правите-

лем сарматов Узафером, находившемся в подчинении у Арагария. Несмотря на возражения Арагария, сарматы Узафера были объявлены независимыми от прежней власти и клиентами Рима. После такого решения и другие сарматы обратились с просьбой о милости к императору, который дал им в цари Зизаиса. Секст Аврелий Виктор упоминает о том, что, пребывая у сарматов, Констанций дал им царя с большой пышностью (Aur. Vic. De Caesar. XLII. 20).

Сразу после этих событий Констанций II бросил свои силы против сарматов-лимигантов. Показательно, что Аммиан Марцеллин указывает, что римский император позаботился об ардарагантах, поскольку они были достойны сожаления за постигшие их беды от прежних «рабов». Данное сочувствие даже перевешивало недовольство ардарагантами, которые совместно с виктогалами боролись против Рима, т. е. продолжали враждебную политику, как и лимиганты (Amm. Marc. XVII. 12, 17; 13, 1). Как отмечалось выше, не исключено, что восстание лимигантов против ардарагантов было обусловлено не только внутренними противоречиями в сарматском объединении, но и несогласием лимигантов, как и других варварских народов, с проявленным «вероломством» ардарагантов. Теперь же следует предполагать, что к данному шагу их могло дополнительно подтолкнуть и произошедшая смычка интересов и мощи аристократических сил Рима и ардарагантов. О таком восприятии ардарагантов речь пойдет несколько ниже.

В дальнейшем описании столкновения римлян с лимигантами вся вина за него перекладывается на коварство сарматов, когда Риму приписываются первоначальные умеренные намерения. Но следует помнить, что Аммиан Мар-

целлин хоть и не любил Констанция, но был адептом римского могущества и славы. Мирные намерения лимигантов, с готовностью откликнувшихся на переговоры и согласных пойти на заметные уступки, были сорваны суровым требованием императора покинуть их земли. В результате спровоцированного конфликта римляне подвергли сарматское население жесточайшей резне и разорению. Несмотря на мужественное сопротивление и героическую стойкость, проявленные лимигантами, им пришлось скрываться в болотистой местности, а затем отступить в глубь гор. С большим рвением римлянам помогали ардараганты и тайфалы. Вскоре большая часть лимигантов спустилась с гор и сдалась римлянам, согласившись на вынужденное переселение на север. Ардарагантам же было позволено вернуться на места своего прежнего проживания, а тайфалы получили те земли сарматов, которые прилегали к их собственным владениям (Amm. Marc. XVII. 13, 3-24).

Не до конца решенным остается вопрос о местах первоначального обитания сарматов. Сам Аммиан Марцеллин помещает их между Дунаем и самой южной частью Тисы (Amm. Marc. XVII. 13, 4), т. е. в Бачку. Например, учитывая сведения о походе готов Визигойя в земли сарматов, когда им пришлось переправляться через реки Тизия, Тибизия и Дрика, сарматы должны были обитать в Банате. Первоначальные же действия Констанция против сарматов в землях, лежащих напротив Второй Паннонии, указывают на Бачку. Но здесь в основном обитали другие сарматы, а не лимиганты. Завершающая же часть похода непосредственно против лимигантов разворачивалась в землях напротив Верхней Мезии, т. е. в Банате. Упоминание гор, где скрывались сарма-

ты, также указывает на Банат. Именно на Банат, как на соседние земли, и могли вести с востока наступление тайфалы. Таким образом, следует признать, что Аммиан Марцеллин в целом ошибочно локализовал места обитания лимигантов на равнинах Бачки. Можно лишь допускать, что лимиганты заняли только часть Бачки, после изгнания оттуда ардарагантов, т. к. Аммиан Марцеллин указывает на переправу спасавшихся от римских солдат лимигантов через Тису, т. е. из Бачки в Банат. Именно за Тисой, непосредственно в поселениях лимигантов, римляне и устроили грабеж и кровавую резню их семей.

Видимо, сарматы-лимиганты изначально проживали именно в Банате, тогда как земли сарматов-ардарагантов, из которых они были некогда изгнаны, находились в Бачке. Именно Банат и могли захватить тайфалы, наступавшие с востока, как близлежащие к ним земли, а земли Бачки были возвращены сарматам-ардарагантам. Но тогда, возвращаясь к прежним событиям готского вторжения, получается, что готы обрушились именно на владения сарматов-лимигантов. Поэтому сведения Евсевия о вооружении сарматами (ардарагантами) своих рабов (лимигантов) при вторжении готов не могут соответствовать действительности. В тех условиях оказание сопротивления неожиданному вторжению готов в свои земли лимиганты могли только на основе собственных вооруженных отрядов. С другой стороны, при таких обстоятельствах получается, что именно лимиганты выдерживали основную тяжесть боев с готами, тогда как ардараганты, испытав меньшие лишения, инициировали обращение к Риму, так возмутившее варварские народы. Поэтому следует полагать, что последующий разрыв отношений между ли-

мигантами и ардарагантами, силовое изгнание последних, основывалось на целом комплексе противоречий внутри сарматского объединения.

Некоторые исследователи обращались и к вопросу о самой сути отношений между ардарагантами и лимигантами до разрыва их отношений. А. М. Хазанов уверенно полагал, что лимиганты были земледельческим племенем, сохранившим свою внутреннюю автономию и лишь обязанным кочевникам определенными повинностями [4, 162]. А. К. Нефедкин также полагает наличие вассальной зависимости между кочевниками алдарагантами и переходящими к оседлости лимигантами, имевшими хижины [5, 204]. Э.А. Рикман солидаризировался с мнением Е. Кирилэ, что сарматы-лимиганты были оседлыми невооруженными земледельцами, которые были порабощены силой оружия скотоводами-кочевниками сарматами-аркарагантами. В результате порабощения возникла своеобразная форма отношений зависимости, когда кочевое общество является коллективным рабовладельцем, а оседлое – коллективным рабом, что могло отражать возникновение рабовладельческих отношений [6, 260-261].

Однако сообщения древних авторов, прежде всего Аммиана Марцеллина (XVII. 12, 1-3, 18; 13, 1, 13; XIX. 11, 1), препятствуют такому определению положения ардарагантов и лимигантов. Аммиан Марцеллин описывает нападение сарматов и квадов при Констанции II на обе Паннонии и вторую Мезию как рейды мобильных конных отрядов. Ничем не отличается он характер прежних совместных нападений ардарагантов и лимигантов на римские владения. Вполне равны лимиганты были своим господам и в храбрости, что отмечено именно по поводу их победы над ар-

дарагантами (*vicerunt dominos ferocia pares*). Следовательно, ставится знак равенства между воинскими способностями ардарагантов и лимигантов. Существуют определенные трудности в количественном определении ардарагантов и лимигантов по отношению друг к другу из-за неясности соответствующей фразы у Аммиана Марцеллина. Возможно, лимигантов было меньше, чем ардарагантов [7, 59], что могло бы еще более свидетельствовать в пользу их значительного военного потенциала. Если, по сообщению Аммиана Марцеллина, лимиганты имели как легкие, так и построенные из самых крепких бревен жилища, то ардараганты, не призванные в римскую армию, по Евсевию, получили земли для обработки. Павел Орозий свидетельствует о направлении сарматов для службы в римские крепости. Наконец, Аммиан Марцеллин прямо указывает на особую подвижность лимигантов и на их свободное кочевание по врожденному обычаю (*vagarique licentius genuino more*). Кроме того, лимиганты, явившиеся для переговоров с императором, имели как пеших воинов, что свойственно оседлым жителям, так и кавалерию.

Пожалуй, здесь мы сталкиваемся со свойственными для греко-римской традиции представлениями о сугубо кочевом хозяйстве сарматов, которое долгое время принималась на веру и современными исследователями. Но теперь нам известно, что и гораздо ранее на востоке сарматы имели, вероятно, постоянные зимники, на которых возводили дома в виде срубов или шатровые сооружения из бревен и плах. Имелись у них и землянки с плоскими и иногда двускатными крышами. Известно, что сарматские группы имели свои участки с достаточно ограниченным радиусом передвижения. Часть их могла вообще

постоянно проживать на зимниках [8, 152; 9, 53, 55; 10, 10; 11, 178-179; 12, 95; 13, 53-56 и др.]. В любом случае, у нас нет сколь-нибудь надежных оснований противопоставлять лимигантов и ардарагантов по образу жизни, усматривать в их взаимоотношениях подчинение оседлого населения кочевникам.

Возможно, ардараганты и лимиганты вели полуоседлый образ жизни, не исключено, занимаясь комплексным хозяйством. Видимо, лимиганты, как отмечают исследователи [3, 100], в отличие от своих восточных сарматских сородичей, проживая долгое время возле Дуная, научились плавать на легких быстходных и многовесельных лодках, для которых выработали собственные отличительные черты (*gentiles lembos et nota remigia conspicantes*) (Amm. Marc. XVII. 13, 17). Данное решение вполне соответствует прежнему отрицательному отношению, например, сарматов-языгов к плаванию на судах (*non nos aut levibus componere bracchia remis novimus aut ventos opus exspectare ferentes*) (Val. Flac. VI. 326-327). Но вряд ли стоит прямо сопоставлять сведения о традициях народов, разделенных значительным промежутком времени. Хозяйственный уклад, несомненно, мог быть подвержен дальнейшему развитию, кроме того, находясь в определенной зависимости от природно-географических условий и местных хозяйственных традиций окружающего населения в Банате.

Кроме того, наличие структур взаимоподчинения было свойственно еще обществу скифов. Так, Геродот отмечал, что царские скифы считали всех остальных скифов своими рабами (Her. IV. 20). Однако ни один исторический источник не дает нам ни одного конкретного факта наличия рабовладельческих отношений между царскими скифами и другими скифами. Видимо,

речь идет об иерархической вертикали внутри сарматского общества, которая воспринималась римлянами в соответствии со своими социальными воззрениями. Заметим, что подобные отношения неоднократно будут отмечены и для иноэтничных кочевых объединений средневековья.

Определение участвовавших в конфликте варваров как сарматов неоднократно вызывало у исследователей вопрос об их конкретной этнической принадлежности. Ю.К. Колосовская считает, что под названием «сарматы» в IV в. скрывались различные племена. Исследовательница отмечает данные о запрете языгам плавать на судах по Дунаю, наряду с другими ограничениями после поражения языгов в последней четверти II в. (Dio. Cass. LXXI. 13, 4, 16, 2), полагая, что такое ограничение не соответствует кочевому хозяйству и может свидетельствовать о присутствии иной этнической группы (вандалы, аланы, славяне). Хотя автор оговаривает, что имена их предводителей, зафиксированные Аммианом Марцеллином, не являются выразительным признаком этнической принадлежности, а скорее свидетельствуют о культурных и династических связях, но в то же время отмечает вероятное кельтское происхождение имен Румон и Узафер, а для Зизаиса указывает на мнение о его славянском происхождении.

Особо оговаривается привлечение для переговоров с сарматами двух переводчиков. Исследовательница видит противоречие в сообщении источника о близости квадов и сарматов по территории и дикости нравов, поскольку квады, языги и роксоланы во II-III вв. были «клиентами» Рима. Она полагает, что «свободные сарматы» жили за пределами дунайского лимеса, а бежали в Дакию, оставленную в середине IV в.

римлянами. Наименования «сарматов-рабов» амицензы и пицензы не этнические, а исходящие из территориального признака («пицензы» от местности на лимесе Верхней Мезии, восточнее Виминации). Название «лимиганти» указывает, что некогда эта группа племен получила название на условии поселения и несения военной службы на лимесе. В самом названии слышится лат. gens – «род», «племя» и limes – «граница», «рубеж» [1, 142, 144-145]. В. П. Буданова рассматривает название лимигантов в ряду этнонимии германских племен. Автор полагает, что оно являлось общим названием, в том числе и германских племен, долгое время проживавших вдоль римского дунайского лимеса [14, 221].

Пожалуй, представленные исследовательницами положения и аргументы оказываются недостаточно убедительными. Действительно, данные ономастики не являются безупречным критерием для определения этнической принадлежности, тем более в таком районе [15, 157-184], где варварские народы имели достаточно тесные связи различного уровня и характера. Отмечается (Iord. Get. 8, 58), что у сарматов были весьма популярны заимствованные германские имена (Sarmatae plerumque mutantur nomina Germanorum). Имеются и примеры обратного влияния. Так, например, царь квадов носил имя Фуртиос, которое легко этимологизируется через осетинское (дигорское) furt – «сын» [16, 201]. Попытка увидеть в Зизаисе славянина не имеет под собой никакого исторического основания. В конечном итоге, он был царевичем именно сарматов. Следует напомнить, что попытки приписать лимигантам славянское происхождение делались и гораздо ранее, но они были аргументировано отвергнуты [17, 57-58]. Здесь следует привести

и частное замечание. Ю. К. Колосовская [1, 144] при утверждении об отражении в названии лимиганты лат. *limes* ссылается на давнее исследование П. И. Шафарика. Однако П. И. Шафарик [18, 410-411] лишь связывал название р. Грана со славянским «грана», «граница», а в отношении собственно лимигантов отмечал наличие в их земле поселения *Bersovia*. Таким образом, ссылка исследовательницы оказывается недействительной. Остается непонятным, почему исследовательница полагает, что аланы более подходят для образа оседлого народа, чем сарматы.

Ненадежным аргументом служит факт использования римлянами двух переводчиков. Дело в том, что Констанций послал к лимигантам «двух трибунов с переводчиками» (*missis ad Limigantes duobus tribunis cum interpretibus*), т. е. определяющим в данном случае является наличие именно двух трибунов. Их использование могло диктоваться не наличием среди сарматов разных этнических компонентов, а вероятной спецификой предстоящих переговоров. Если римляне с ардарагантами вели переговоры с конкретным представителем знати, то лимиганты, как показывают примеры из сообщений Аммиана Марцеллина, имели обыкновение обращаться все вместе, что значительно затрудняло бы работу как одного трибуна, так и одного переводчика. В определенной ситуации трибуны могли оказаться втянутыми в разговоры с различными собеседниками. В такой ситуации возможны и опасения из-за не столь высокой квалификации переводчиков и т. д. В целом, само использование нескольких переводчиков никак не доказывает, что сарматы были разноязыки.

Противоречиво противопоставление автора характеристики сарматов и

квадов как близких по дикости нравов и признание квадов, языгов и роксолан «клиентами» Рима. Клиентские отношения не гарантировали необходимую римлянам «цивилизованность». Латинские источники неоднократно приводят примеры, когда подвластные или лояльные Риму варвары вступали с ним в вооруженную борьбу. В самом противопоставлении фигурируют квады, что доказывает его некорректность. Различные позиции по отношению к Риму могли занимать и отдельные группы одного варварского народа. Например, квады известны Аммиану Марцеллину и как верные союзники сарматов в борьбе с Римом, и как участники коалиции трансюгиантов. В том, что под именем сарматов подразумевался определенный отличный этнический массив, доказывает тот факт, что сарматы вполне четко отличаются от других варварских народов у того же Аммиана Марцеллина. Несмотря на то, что он (*Amm. Marc. XVII, 1, 8, 12*) подчеркивает самые тесные союзнические и культурные отношения между квадами, трансюгитанами и сарматами (*Sarmatas et Quados vicinitate et similitudine morum armaturaeque, .. aderant autem ilico Sarmatis periculorum Quadi participes, qui noxarum saepe socii fuerant indiscreti, .. locorum confiniis et feritate iunctissimis*), это не ведет к смешению народов. Сарматы вполне отличимы от виктогалов, тайфалов, не теряют своего отличия и в объединении с квадами и трансюгиантами.

Вполне справедливо соотнесение названий лимигантских группировок пицензов и амицензов с названием территорий (*ita ex regionibus appellati conterminis*). Но этот территориальный принцип вполне может быть вторичным по сравнению с этническим названием. Кроме того, речь идет не о самоназвании, а о названии, прилагав-

шемся к ним со стороны. Видимо, по какому-то недоразумению в пицензах и амицензах увидели даков [2, 186].

Усматривать в названии лимигантов отражение факта поселения и несения службы сарматами на лимесе нет достаточных оснований. Во-первых, таких сведений у нас нет. Во-вторых, подобное развитие событий могло бы состояться только в период совместного проживания лимигантов и ардарагантов, что, в первую очередь, должно было отразиться в названии «свободных сарматов». В-третьих, если название составлено из латинских слов, то совсем непонятно столь грубое искажение лат. *gens* в устах носителей латинской речи.

Источники, повествующие об интересующих нас событиях, вполне четко противопоставляют сарматов и готов. Имя сарматов практически никогда не переходило на германские племена. В результате использования архаической этнонимии на германские племена нередко переносили название скифов, а не сарматов. Именно в данной традиции Евсевий и называет напавших на сарматов готов скифами, одновременно называя самих сарматов столь же устаревшим именем савроматов. Последнее отождествление также достаточно показательно, поскольку отражает давнюю греко-латинскую традицию, для которой было характерно смешение и идентификация этнически родственных, но не тождественных друг другу савроматов и сарматов.

Исходя из известной этнической номенклатуры того времени, следует полагать, что речь идет действительно о сарматах, которые отличались от находившихся здесь алан (некоторые современные исследователи указывают на смешение в восприятии сарматов и алан, что не подтверждается самими источниками). Среди сарматских груп-

пировок для данной территории выделяются языги и роксоланы. Нет никаких оснований, как делает А. П. Зураев, считать ардарагантов и лимигантов некими языгами-аланами [19, 208-210]. Я. Харматта полагал, что по данным источников трудно определить характер внутрисарматского противостояния (социальная или межплеменная борьба). Но исследователь склонялся к мнению, что речь должна идти о межплеменном противостоянии и реконструировал события следующим образом. На прежних местах обитания языгов появились родственные им, но более сильные и многочисленные роксоланы, которые установили здесь свою власть и изменили материальную культуру языгов. Бежавшие же впоследствии к римлянам сарматы представляли собой в основном или даже полностью роксолан [20, 57, 62-63]. К данному решению присоединился Я. Лебединский [21, 55].

В. Кульчар и Э. Иштванович, обратившись к обзору археологических памятников Альфельда, задались, видимо, закономерным вопросом: «Проблема *Arcaragantes-Limigantes* – социальный или исторический вопрос?» [22, 62-63]. А. М. Ременников видел в ардарагантах роксолан, а в лимигантах – языгов [23, 402]. Л. Баркочи и М. Пардуц считали, что ардараганты были языгами и роксоланами Альфельда, в земли которых вторглись лимиганты из областей восточнее Карпат (группа сарматских памятников Тапе-Малайдок) или Прикубанья [24, 449; 25, 386-390]. Т. Сулимирский предполагает, что речь идет о языгах, подчинившихся мигрировавшим на их территорию аланам, ранее обитавшим к западу от Днестра [26, 164].

Учитывая помещение сарматов в Банате, речь, прежде всего, должна идти о языгах, появляющихся в Придунавье

уже в середине I в. Впоследствии сюда мигрируют и родственные им роксоланы. Поэтому несомненной основой для сарматского объединения IV в. послужили их потомки. В то же время исчезновение со страниц западноевропейских источников этнических наименований языгов и роксолан и переход на обобщающее название «сарматы» позволяет предполагать существенную перегруппировку в среде сарматов, обитавших на территории современной Венгрии. Сам мотив социального противостояния у сарматов заставляет искать иное решение в восприятии «названий» ардарагантов и лимигантов. Тому дает повод и замечание Иеронима, что изгнанные на римские территории бывшие владыки сарматов-лимигантов «теперь именуются аргарагантами» (nunc Argaragantes vocantur) (Hieron. Chron. а 2350). Поэтому следует предположить, что название ардарагантов является новым фактом для своего времени.

В названии ардарагантов достаточно легко распознается осет. *ældar/ærdar* – «князь», «господин». Полагают, что данный сарматский термин переводился греко-латинскими источниками как «царские» (basilidae, βασιλείοι – А. Т.) [27, 55-56]. Оно неоднократно встречается в северопричерноморской ономастике первых веков н. э. (Ἄρδαρος, Ἀρδάρακος). Данное слово, видимо, в форме *aladar* в средние века вошло в венгерский язык от переселившихся в Венгрию алан-ассов в значении «начальник сотни», «начальник охраны». Оно же в форме *aldar* позднее появляется у калмыков в значении «господин», «слава». Второе значение отмечается и в других монгольских языках.

Само слово *ærdar* является сложным, состоящим, вероятно, из *arm* – «рука» и *dar* – «держатель», «иметь», т. е. «рукодер-

жец». Осет. *arm daryn* означает «покровительствовать», а рука издревле символизировала власть, и ее обозначение вошло в название правителей у многих народов. Указанные наблюдения позволили В. И. Абаеву считать *ældar/ærdar* одним из ранних аланских полувоенных, полусловных терминов [28, 126-127; 29, 68-69; 30, 238; 31, 221].

Г. Бейли возводит его первую часть к и.-е. *ar-* [32, 74-75]. М. Н. Богомолов и О. И. Смирнова [33, 110] этимологизировали *ældar* на основе авест. *haratar* – «надзиратель», «страж». Э. А. Грантовский [34, 215-216; 35, 70-71] отмечает беспорность связи северопричерноморских имен с осет. *ældar* и полагает, что др.-иран. **ardāra*, с одной стороны, можно связать с авест. *arazah* – «бой», «сражение», «боевой ряд», а с другой – с восточносакским титулом знати **arzāna(ka)*. По мнению исследователя, *ardara* может иметь многочисленные параллели в иранской и восходящей к ней ономастике и представлять социальный термин или военно-аристократический титул. Сама форма лексемы относится к фонду юго-западной части иранских языков.

Недавно была высказана и иная точка зрения. В. П. Яйленко [36, 312] предлагает считать, что, по крайней мере, в некоторых случаях имя Ἄρδαρος могло быть тюркским, сопоставляя его с тюркским именем *Aldar* и *alda* – «начало», «первый». Однако, на наш взгляд, данное решение нельзя признать корректным. Сам автор по поводу имени Ἄροαστιρος отмечает, что первоначально в тюркском звук *r* не употреблялся в начале слова, поэтому имя является иранским, передавая иранское *r* [36, 318]. Но тогда *r* и в имени Ἄρδαρος препятствует его тюркской этимологии. Кроме того, приводимые автором тюркские соответствия могли бы по-

зволить ему сравнивать их с осет. *aëldar*. Но появляющаяся здесь *l* представляет собой более позднее явление, тогда как северопричерноморская форма отражает его начальный вариант, сохраняющийся в осетинском (дигорском) *aëldar*, тогда как осетинское (иронское) *aëldar* представляет конечную форму.

Приводимое тюркское имя *Aldar* может являться результатом заимствования из средневекового аланского, а *alda* оставляет под вопросом появление конечного *r* в северопричерноморских именах. По существу, единственным аргументом автора является сочетание *Μιδαχος 'Αρδαρου*, в котором первое имя этимологизируется как тюркское. Однако сочетание разноэтнических имен было вполне обычным в городах Северного Причерноморья. Видимо, следует более осторожно подходить к тюркским этимологиям. Например, тюркское *alda* вполне могло бы подойти для имени 'Αλδης из Пантикапея, если бы не датировалось IV в. до н. э. Столь же сомнительна попытка интерпретировать имя 'Αρδαρος как древнее индоевропейское [37, 222].

Учитывая известные факты, можно полагать, что свое название ардараганты получили по внутрисарматскому характеру их воинской специализации и родовых привилегий. Видимо, из их среды, прежде всего, выдвигались предводители воинских отрядов (сотен), что было закреплено признанием родовых привилегий. Лимиганты же в случае совместного выступления составляли в такие отряды рядовых воинов из своей среды, тем самым «идя под руку» военным командирам. Именно в этом и могло заключаться подчинение лимигантов ардарагантам, т. е. в воинской повинности. Учитывая значительное количество ардарагантов, они имели и собственные отряды из своих

рядовых воинов, представителей менее знатных родов. Однако, по отношению к лимигантам они рассматривались как стоящие на более высокой социальной ступени. Видимо, не даром у Иеронима указывается, что лимиганты при восстании против прежних господ «составили отряд» (*facta manu*) (Hieron. Chron. a 2350). Возможно, что лимиганты несли и некоторую трудовую повинность (выпас стад и т. д.), выплачивали определенную натуральную дань. Такая данническая зависимость применялась сарматами издавна по отношению и к иноэтническому зависимому населению, но всегда была достаточно умеренной (Strabo. VII. IV. 6).

Об особом развитии в среде ардарагантов представлений о привилегиях отдельных родов свидетельствуют и другие наблюдения. По Сексту Аврелию Виктору, Констанций II, находясь среди сарматов, с особой пышностью дал им царя (*apud eos regem dedit*). Аммиан Марцеллин свидетельствовал (Amm. Marc. XVII. 12. 9, 20) о назначении Константином II прежнего царевича Зизаиса (*Zizais quoque etiam tum regalis*) ардарагантам в цари (*Zizaim regem isdem praefecit*). Такой выбор мог диктоваться не только уверенностью императора в верности нового правителя. Отмечается, что Зизаис был не простолюдином, а царевичем, что указывает на его принадлежность к знатному роду и на наследственный характер его власти, что должно было отвечать представлениям о характере верховной власти у ардарагантов.

Кроме того, Аммиан Марцеллин дважды подчеркивает (Amm. Marc. XVII. 12, 9; 13) особые внешние физические качества Зизаиса. Он был человеком молодым, далеко не маленького роста (*haud parvi corporis iuvenis*), с выдающимися не только душевными, но и телесными достоинствами (*bonis animi*

corporisque praestantem). Известно, что у многих древних народов, в том числе и у ираноязычных, правители служили олицетворением благополучия всего общества в целом, санкционированным божественным началом. Особое значение придавалось в данной связи и физическим данным правителей, поскольку любая ущербность могла отрицательно сказаться на состоянии общества, нанести удар по сакральности власти и служила значительной преградой для получения царской власти. Аммиан Марцеллин уточнил, что царевич Зизаис был прежде избран самими ардарагантами, а затем поставлен царем Констанцием II (*non ignobilem quempiam regem sed quem ipsi antea sibi praefecere, regalem inprosuit*). Следовательно, ардараганты согласились с данным назначением, исходя из собственного выбора на основании традиционных для них представлений.

По Аммиану Марцеллину (Amm. Marc. XVII. 12, 11), Зизаис привел с собой с прочими сарматами зависимых царьков Румона, Зинафра, Фрагиледа и многих из знати (*duxerat potior cum ceteris Sarmatis etiam Rumonem et Zinafrum et Fragiledum subregulos plurimosque optimates*). После назначения Зизаиса царем ардарагантов ничего не говорится об отмене его власти над ними, хотя Констанций II мог произвести такие перемены, на что указывает его решение вывести из подчинения царевича квадов Арагария союзного ему царевича сарматов Узафера (*aliena potestate eripi Sarmatae iussi*). Видимо, следует полагать, что структура союза ардарагантов имела общие черты со структурами иных сарматских союзов. Во главе союза стоял верховный правитель. Вторую ступень власти представляли подчиненные ему правители родо-племенных объединений. Далее

следовала племенная и родовая аристократия. По логике данной структуры, на нижней социальной ступени стояли рядовые общинники.

В латинских источниках (Amm. Marc. XVII. 13, 24) такой союз мог называться «народом» (*populus*). Включение в состав союза новых родственных объединений свидетельствует об открытости и определенной подвижности союзной системы, которая, однако, сохраняла свою структуру в целостности. С другой стороны, прежний откол от союза лимигантов указывает и на возможность выхода из него части населения, занимавшего определенную социальную нишу, что также не изменяло самой структуры. Обращение за милостью к Констанцию II последовательно Зизаиса и зависимой от него знати указывает на наличие соподчиненных властных структур. В то же время при выборе ардарагантами себе в правители Зизаиса источник не выделяет в нем исключительного решения знати. Выбор предстает единогласным решением всего союза, что может подразумевать и сохранение в нем некоторого значения собрания всех свободных общинников, по крайней мере, в случае решения наиболее важных проблем.

В отличие от ардарагантов у лимигантов вместо царей (*reges*) правили старейшины (*seniores*), что свидетельствует о сохранении у них старых родовых отношений. Критическая ситуация, сложившаяся для лимигантов в связи с поражением от римлян, привела к столкновению мнений о продолжении борьбы или о сдаче. В конечном итоге, на совете старейшин удалось отстоять решение о сдаче (*vicit tamen ad ultimum coetu seniorum urgente dedendi se consilium*) (Amm. Marc. XVII. 13, 21). Видимо, долгая выработка единственного решения указывает на влияние

общенародного мнения, которое в данном случае должно было подчиниться решению совета старейшин.

При повторном столкновении интересов Рима и лимигантов (смотри далее) Констанций II позволил допустить к себе всех вместе/в совокупности (*imperator ... cunctos admisit*) (Amm. Marc. XIX. 11, 7), что указывает на сохранении у лимигантов значительной роли всенародного собрания. Данный поступок Констанция II показателен и в том плане, что при обсуждении дел с ардарагантами он вел переговоры с представителями верховной власти и знатью (данные особенности отмечали выше по поводу проблемы использования нескольких переводчиков при общении римлян с лимигантами).

Подтверждением такого положения может служить само название лимигантов. Наличие среди лимигантов группировок амиценсов и пиценсов, названных так по имени соседних с ними областей (*ita ex regionibus appellati conterminis*) (Amm. Marc. XVII. 13, 19), могло бы свидетельствовать о наличии и территориального принципа создания отдельных объединений. Исходя из факта обитания лимигантов на границах римских владений, можно бы было предположить, что само их имя происходит от лат. *limes* или *limen* – «граница», «порог» или лат. *elimino* – «выносить за порог». У Иеронима представлены и другие варианты названия: *limicantes*, *eliminates*, *eliminantes*. Не исключено, что восприятие ардарагантов и лимигантов как господ (*domini*), свободных (*Liberi*) и рабов (*servi*) послужило ложноэтимологическому осмыслению их названия через лат. *e-limo* – «опиливанием убавлять», перен. «ослаблять», лат. *elimatio* – «уменьшение», «убыль», лат. *limo* – «убавлять», «уменьшать» или лат. *limus* – «грязь», «нечистота».

Но, учитывая единообразное написание *Limigantes* у Аммиана Марцеллина, приведенные наблюдения о характере общественных отношений у лимигантов и собственно иранское название ардарагантов, название лимигантов, возможно, следует связать с осет. *lymæŋ/limæŋ* – «друг», «приятель», «любовник», восходящее к иран. **frīymana* (индоевр. **pri-*, *prai-*). Данное слово также встречается в ономастике городов Северного Причерноморья (Φλιζανακος, Φλειζναγος, Φλιανος (более древняя форма) и Λειζανος, Λιζνακος), имея параллель в лице авест. *Fryāna* [38, 54-56]. Видимо, в названии подчеркивается декларируемое равноправие всех членов общества лимигантов, что прямо противопоставляет их ардарагантам. Выпадение *n* в слове «лимиганты» напоминает такое положение с именем представительницы средневекового аланского царского рода *Limačau* (из *Liman-čau* – «С приятной походкой») [39, 133-134].

Попытка Э. Бенвениста [40, 82-83] и некоторых других исследователей связать осет. *limæŋ* с *aryaman* была аргументированно отвергнута [38, 55-56]. Вместе с тем обращает на себя внимание развитие индоевропейской основы, давшей осет. *limæŋ*, в других западноевропейских языках (герм. *frei*, англ. *free* – «свободный»). Согласно наблюдениям Э. Бенвениста [40, 215], произошла вполне закономерная эволюция индоевропейского «свой, личный, дорогой» к значению «свободный» за счет исключительного положения какой-то одной общественной прослойки. То, что было личной характеристикой афферктного порядка, стало как бы знаком взаимного отличия, которым обмениваются члены социальной группы «благородных». Термин, обозначавший первоначально отношение приязни между людьми, при-

обретает значение термина социального института, начиная служить наименованием общности по принадлежности к одной группе общества, а затем и общности по положению в обществе – наименованием «свободных» людей. В таком случае, вполне вероятно, что мы имеем дело с социальным термином, который вышел на этнический уровень или воспринимался таковым окружающими. Его употребление в среде лимигантов, учитывая приведенные наблюдения об их традициях, представляется вполне закономерным. Столь же закономерным представляется и попытка латинского осмысления положения и, возможно, названия лимигантов, через собственные представления о социальной структуре общества.

Для осет. *lytæp* отмечается сохранение и значения термина родства по свойству, т. е. при заключении брака, что вело к породнению не только отдельных семей, но и родов. Такое родство, как отмечалось в научной литературе, обозначалось именно термином *lytæp* или *noɣxæstædžytæ* [41, 44]. Учитывая обычную семантику слова, его употребление как термина такого родства может представляться вполне закономерным (интересно, что в ведийском *priya* – «дорогая», субстантивировавшись, стало названием «супруги» [40, 214-215]). В таком случае, следовало бы признать возможность значительной древности указанного термина родства и предполагать вероятность его проявления в названии лимигантов за счет тесных семейно-родовых связей внутри данной сарматской группировки. Однако, как мне представляется, становиться на данный путь в исследовании преждевременно, т. к. вызывает сомнение и нуждается в дополнительном подтверждении предложенная семантика осет. *lytæp*.

Оба названия вполне точно отражали положение дел не только внутри их отдельных родо-племенных союзов, но и в предшествующий период существования объединенного союза. Подобные неравноправные союзы могли существовать и у других родственных ираноязычных народов. Так, Страбон (*Strabo*. VII. III. 17) сообщал о помощи крымским скифам в борьбе с Диофантом со стороны роксолан (*Ρωξολανοί*) во главе с Тасием в конце II в. до н. э. В декрете в честь Диофанта (IOSPE. № 352) они названы ревксиналами (*Ῥευξιναλοι*). Птолемей (*Ptol.* III. V. 7, 10) отмечает под этими названиями два разных народа. Если название *роксолан* достаточно четко этимологизируется с иранского как «светлые аланы», то название *ревксинал*, можно перевести как «светлые мужи» (иран. **rauxšna* – «свет», «светить», осет. *ruxs/rox*s – «свет», «светлый» и иран. **nar* – «самец», «мужчина» и осет. *næl* – «самец», «мужчина») [41, 235; 42, 86]. Возможно, речь может идти о существовании соподчиненного союза, состоявшего из правящих «светлых алан (ариев, благородных)» и зависимых от них «светлых мужей». Возможно, таким положением объясняется многообразие написания названия роксолан, включающее в себя и такие варианты, как *Ῥαξανάλους*, *Ῥαξνάλους*, *Ῥαξινάλους* [43, 156]. Однако нельзя исключать, что в обоих названиях мы имеем семантически тождественные определения.

Отличный характер общественных связей у лимигантов, возможно, позволяет понять и решение ардарагантов после поражения и изгнания их с прежних мест обитания подчиниться виктогалам. Здесь сказались неущемленные амбиции или уязвленное самолюбие проигравших, а невозможность подчиниться тем, у кого отсутствовала

единовластие в лице царя. Так, например, Гидаций в «Продолжении хроники Иеронима» отмечал, что в 418 г. аланы, которые помогали вандалам и свевам, в результате сокрушительного разгрома их готами и гибели их царя Аддака решили покориться под покровительство царя вандалов Гундерика, поскольку царская власть была у них уничтожена (Hydat. Cont. Chr. Hier. P. 19).

Позднее Исидор Гиспальский повторил в своей работе «История царства готов, вандалов и свевов. Начала» данное сообщение, внося в него некоторые изменения (Isidor. Hist. de regno Goth. Vand. Suev. Cap. 22). По его трактовке, аланы покорились под управление Гундерика, т. к. царская власть у них была обесчещена.

Возможно, замена в формулировке причины поступка немногих уцелевших алан – «т. к. царская власть была уничтожена» (*abolito regni*) на «т. к. царская власть была обесчещена» (*oblito regni*) – связана со схожестью написания *abolito* и *oblito* (от *ab-oleo* – «уничтожать», «истреблять», «разрушать» и от *ob-lino* – «пятнать», «бесчестить», «позорить»). Но во втором случае вместо подчинения алан «под покровительство/защиту» (*patrocinio*) царя вандалов указывается на их подчинение «под управление» (*regimini*). Такая замена не может объясняться лишь предшествующей опиской.

Аланы в случае гибели их царя и вероятных наследников просто лишались собственного института царской власти, но сохраняли престиж и достоинство царских людей, что позволяло им пользоваться покровительством/защитой царя вандалов. Если же гибель основной части алан и царской власти была расценена как результат порочности (десакрализации) царской власти у них, то логичной была прямая замена

ее на новую власть. Несмотря на достаточную близость или даже прямую взаимосвязь информации двух источников, они были продиктованы установлением различных причинно-следственных связей.

Видимо, у ардарагантов после поражения от лимигантов сложилась первая ситуация, что и предопределило предпочтенное ими подчинение своим защитникам виктогалам, обитавшим в оставленной римлянами Дакии, чем попадание под власть лимигантов, расценивавшееся как «рабство от рабов», не имевших собственной верховной власти (*qui confundente metu consilia ad Victohalos discretos longius confugerunt, obsequi defensoribus ut in malis optabile quam servire suis mancipiis arbitrati*) (Amm. Marc. XVII. 12, 19). Когда же встал вопрос о возобновлении у них института царской власти, то особое внимание было уделено внутренним и внешним качествам Зизаиса.

Проведенный анализ позволяет высказать ряд замечаний в отношении вопроса об этнической принадлежности ардарагантов и лимигантов. История сарматов на исследуемой территории, в первую очередь, связана с языгами и роксоланами. Исчезновение их названий из письменных источников на фоне ставшего обычным использования названия сарматы позволяет полагать, что после прихода в места обитания языгов роксолан произошло становление нового единого союза на базе этих двух этнических элементов. Наличие институтов царской власти у роксолан и языгов позволяет предположить, что в новом союзе произошло объединение социальных верхов языгов и роксолан, создавших новую иерархическую вертикаль, послужившую основой для будущих ардарагантов. Вокруг нее объединились наиболее близ-

кие по крови группы и их дружинники. Стоящие на более низкой социальной ступени представители языгов и роксолан, составлявшие большинство общества, послужили основой будущим лимигантам. Возможно, за основу создания такого дуального родоплеменного союза была взята организация роксолан и ревксиналов, что свидетельствовало бы о приоритете роксоланских традиций в новом союзе и признании верховной власти в нем за представителями роксолан.

Но речь может идти о влиянии и или дополнительным стимулированием со стороны еще одного элемента. Здесь следует отметить одно интересное наблюдение, сделанное С. А. Яценко. Исследователь обратил внимание на изображение пленного предводителя лимиганта на римском триумфальном медальоне 358 г. н. э. Декор и элементы шароваров, а также тип обуви данного персонажа засвидетельствованы в более раннем костюме Парфии. На данном основании был сделан вывод, что лимиганты являлись потомками языгов, пришедших в начале II в. н. э. на Дунай. Их предки были выходцами из Западного Туркестана, где общались с парфянами [17, 140-141]. Трудно согласиться с утверждением, что языги являлись выходцами из Восточного Туркестана. Его принятию препятствуют известные нам археологические памятники из Северного Причерноморья. Первоначальная западно-туркестанская локализация прародины лимигантов исторически может быть соотнесена с историей выхода на историческую арену алан. Памятники же Альфельда свидетельствуют о появлении там не только языгов и роксолан, но впоследствии и алан. Кроме того, собственно роксоланы сами могли представлять собой одну из первых аланских волн в

Европе. Согласно одному краткому сообщению, в Центральной Азии была найдена гемма с надписью, содержащей слово *aeldar*, т. е. «вождь» [44, 81].

Интересно, что, например, Лукан отмечал набеги на дунайские территории массагетов (Luc. Bell. Civ. II, 45-55). Его же родной дядя Сенека называл их аланами (Sen. Thy. 629-630). Согласно «Дербент-наме», в области Маскат (Маскут, Мускут) (массагеты прикаспийского Дагестана) жили люди, приведенные из Алана. Отождествление алан и массагетов (Ἀλανων (ἐἰσὶ δὲ Μασσῆται)) представлено у Диона Кассия (Dio Cass. LXIX, 15, 1). Данная идентификация представлена и у Аммиана Марцеллина (Amm. Marc. XXXI, 2, 12). Обычно исследователи усматривают за данными сообщениями просто указание на среднеазиатское происхождение алан. Но у Аммиана Марцеллина соответствующее сообщение имеет некоторое своеобразие. Утверждается, что аланы представляли собой «бывших массагетов» (Halanos..., veteres Massagetarum), т. е. речь идет о смене названия. Единственный подобный случай в ареале ираноязычных кочевников Евразии можно усмотреть в упоминавшемся сообщении Иеронима о том, что бывшие владыки сарматов-лимигантов «теперь именуются аргарагантами» (nunc Argaragantes vocantur) (Hieron. Chron. a 2350). Сложно признать за таким переименованием смену этнического определения. Учитывая же, что термин *alan* являлся социальным, следует признать аналогичную ситуацию и для появления названия *Argaragantes*. Поэтому, возможно, что оба этих термина объединяет и единая основа *ārya.

Приводимые Аммианом Марцеллином сведения из истории лимигантов позволяют отметить и некоторые другие наблюдения относительно тради-

ций данного союза. Во время первого жесточайшего боевого столкновения с римлянами лимигантов, которые проявили безудержную храбрость и твердость, «иногда (в то время) слышался шепот поверженных, что из-за судьбы/случая, а не по [их] вине случилось то, что произошло» (*mussantesque audiebantur interdum, fortunae non meriti fuisse quod evenit*) (Amm. Marc. XVII. 13. 11). На Таманском полуострове была открыта «резиденция Хрисалиска», принадлежавшая начальнику аспургиан, командовавшему своими ираноязычными соплеменниками. Здесь же было обнаружено изображение богини судьбы Тюхе (Τυχη) Хрисалиска. Среди аспургиан образ Фортуны (Тюхе) мог иметь особую популярность из-за ассоциаций с каким-то иранским женским божеством. Возможно, признание поверженных лимигантов имело в виду не просто произошедшую случайность, а отражало веру в судьбу, которая действовала вопреки желаниям и делам человека.

Аммиан Марцеллин сообщал, что, даже будучи поверженными, лимиганты удерживали у себя оружие, считая менее греховным быть поверженными силами врагов, чем признать себя побежденными (*sed arma iugiter retinentes licet adflicti minus criminis aestimabant alienis viribus potius quam conscientiae suae iudicio vinci*). Такая смерть с оружием в руках живо напоминает о представлениях викингов, для которых гибель без оружия закрывала путь в загробную Вальхаллу, обитель богов и героев, считаясь большим несчастьем и позором. Также у германцев считалось бесчестьем бросить щит, что влекло за собой суровое отстранение от общественной жизни (Тас. *De orig. et situ Germ.* 6). Было обращено внимание [45, 123-126] на эпизод из рассказа Лукиана

(Лус. Тох. 54), когда окруженные и избиваемые врагами скифы в большинстве стали бросать перед собой оружие. Полагают, что именно бросание оружия и было знаком сдачи в плен. Вместе с тем следует отметить, что, придя на переговоры к императору, лимиганты отбросили в сторону свои щиты. Данный жест, вопреки трактовке Аммиана Марцеллина (Amm. Marc. XVII. 13, 7), должен был указывать именно на мирные намерения лимигантов.

После разгрома лимиганты по договору с императором вынуждены были покинуть места своего обитания. Но вскоре, видимо, зимой 359 г. н. э. они вернулись к пограничным областям на Дунае. Возможно, данное передвижение в зимний период к Дунаю соответствует сезонным меридиональным передвижениям кочевников, отмеченным, например, ранее для роксолан (Strabo. VII. III, 17) (33, с. 85). Но это лишь общее предположение, тогда как мы не можем отрицать, что возможные природно-географические условия или отношения местного населения на севере, куда удалились ранее в изгнание лимиганты, были действительно слишком тяжелы для них.

Констанций II выслал к ним на переговоры двух трибунов, сообщивших по возвращении, что варвары просят разрешения переселиться в римские пределы, готовы соблюдать мир, платить дань, отправлять своих юношей на службу в римскую армию. Император, выступивший в поход с многочисленной армией, решил принять для разговора всех лимигантов. Для него были сооружены окоп и высокий помост, как сообщает Аммиан Марцеллин, у Акиминкума (совр. Саланкемен в Венгрии). Но здесь вполне справедлива поправка [17, 68], что место действия в источнике (Amm. Marc. XIX. 11. 8) названо явно

ошибочно. Оно должно быть изменено на Аквинку (совр. Будапешт), т. к. Акиминкум не находился в Валерии, куда и выступил еще до появления лимигантов римский император.

Здесь на реке выставили суда с легионерами на борту, которые должны были напасть на варваров с тыла в случае их агрессии. Разыгравшиеся затем события уже долгое время вызывают у исследователей вопросы. Чтобы понять их суть, приведем полностью интересующий нас фрагмент (Аmm. Marc. XIX. 11, 9-11) в подстрочном переводе:

«Эти лимиганты, хотя о спешных приготовлениях узнали, ничего так [не выказали], склонив головы в притворстве, стояли согбенные, чтобы разжалобить. Совсем иное, чем их позы выказывали и слова безмятежные, в мыслях тщательно вынашивали. И, увидев императора на высоком помосте, уже речь приготовившего милостивейшую и намеревавшегося обратиться как к покорным уже в будущем, один из них, яростью возбужденный свирепой, сапогом своим в трибуну бросил с размаху, прокричал: «марха, марха». Это является у них сигналом боевым. И вслед за тем последовавшая беспорядочная масса, знамя подняв внезапно варварское, завывшая дико, на самого принцепса устремилась. Он, когда с возвышения обзревая, заполнившую все разбегающуюся толпу с метательными снарядами увидел и обнаженные мечи, а также верруты уже приближали гибель, среди чужих смешавшихся и своих был не узан, полководец он или воин, так как ни тянуть не было времени, ни медлить, на коня быстрого сев, стремительно умчался».

М. И. Ростовцев [47, 97] полагал, что сарматы могли быть маздаитами, поскольку имя верховного божества Марха фигурирует в поэме в честь пар-

фянского правителя. В то же время исследователь отмечал идентификацию Э. Бенвенистом боевого клича с персидским «merd u mard» («человек против человека»). Предположение М. И. Ростовцева о связи боевого клича лимигантов с именем маздаистского божества считает достаточно убедительным А. К. Нефедкин [46, 15-16], добавляющий и вероятность посвящения клича божеству войны Марсу, представляющему у «сармато-алан» в образе обнаженного меча. Возможно, к принятию такого решения автора подтолкнул известный клич греческих воинов, обращенный к богу войны Эниалию (Ενυάλιος) (Arr. An. I. 14, 7; Arr. Ekt. 25), который сопоставлялся с римским Марсом.

Указанные предположения не кажутся достаточно убедительными. Нам не известно ни одного факта, позволяющего отнести не только сарматов, но и родственников им скифов, савроматов и алан к приверженцам маздаизма. Почитание солнца и огня еще не означает включения его именно в маздаистский культ. Сам М. И. Ростовцев допускал вероятность и иного решения, которое связано с персидской традицией. Последнее, на мой взгляд, ничем не подтверждается ни по форме, ни по содержанию. Конечно, традиция громогласного обращения в бою к божеству могла быть присуща и варварам (сравни обращение викингов к Одину), но без подкрепления такого положения конкретными фактами из истории самих сарматов невозможно делать сколь-нибудь аргументированные выводы. Аммиан Марцеллин, столь подробно описавший историю столкновения римлян с лимигантами, вряд ли не преминул бы уточнить отношение сарматского клича к имени их божества или, по крайней мере, отметить его написанием с заглавной буквы. Скорее

всего, он передал именно слышанный римлянами клич, поскольку передал его с некоторым искажением [38, 73].*

Особо «оригинальное» решение в интерпретации боевого клича лимигантов предложил И. М. Мизиев [48, 138; 49, 21]. Автор усмотрел в нем имя бога Мардука и сопоставил с восклицанием балкарцев и карачаевцев «Эй, маржа». Указанные сопоставления встретили вполне обоснованные возражения со стороны Ю. С. Гаглойти [50, 173]. Рецензент справедливо указал, что у В. Ф. Миллера, на которого ссылается И. М. Мизиев, нет формы «маржа», а отмечена форма *marha*. Приведенное И. М. Мизиевым выражение имеет многочисленные аналогии у разных кавказских народов. Его первоисточником, по В. И. Абаеву [28, 72], возможно, является груз. *maržua* – «успех», «победа». Замечания рецензента вызвали у И. М. Мизиева [51, 119] резкое неприятие, заявившего, что у балкарцев и карачаевцев этот клич употребляется во многих значениях, и только пылкая фантазия оппонента может объявить или связать эти понятия со словами «убивать», «яд», а тем более увидеть в них грузинское «успех».

Мне остается только присоединиться к замечаниям Ю. С. Гаглойти. Во-первых, И. М. Мизиев не только не обратился к данным самого источника, но и намеренно искажил его корректную передачу В. Ф. Миллером. Во-вторых, сарматская форма *marha* никак не соотносится с желаемой для автора формой «маржа». В-третьих, отмечаемое мною многообразие значений балкаро-карачаев-

ского выражения вполне соответствует такому же положению у других северокавказских народов, что отмечено в работе В. И. Абаева (призыв к действию, призыв на помощь, побуждение, иногда случаи адъективного употребления в значении «замечательный», «отменный» и т. д.).

Если же строго подходить к определению «маржа», то оно является не выражением, а междометием. Его наличие в языках карачаево-балкарских, осетинского, нахских, абхазо-адыгских народов при отсутствии собственной этимологии позволяет предполагать общее заимствование из какого-то иноязычного источника. Именно в таком виде и предложена В. И. Абаевым грузинская лексема. В-четвертых, в отличие от многообразия северокавказских примеров, сарматское *marha* определяется как конкретный боевой клич. С этой точки зрения, конструкция *marha* вполне точно соответствует как по форме, так и по содержанию осет. *maryn/marun* – «убивать» с присоединением формы *-gæ*, до сих пор часто употребляющейся в осетинском языке вместо обычного повелительного наклонения. В-пятых, экспрессивное высказывание И. М. Мизиева по поводу «очень пылкой фантазии» тех, кто усматривает в сарматском «маржа» значение «убивать», лишней раз демонстрирует стремление автора ввести в заблуждение своих читателей, т. к. исследователи разбирали значение сарматского *marha*. Таким образом, И. М. Мизиев идет на преднамеренный подлог, тем самым подменяя и научную дискуссию беспредметным спором.

В действительности, значение боевого клича лимигантов *marha* наиболее легко определяется на основании данных иранских языков («смерть» или «бей» восходит к иран. *māraya*, осет. *margæ* – «убивай») [52, 584; 28, 73, 75;

* К сожалению, мне остается недоступной еще одна статья, касающаяся интересующего нас вопроса: Huysse Ph. Vorbemerkungen zur Auswertung iranischen Sprachgutes in den Res Gestae des Ammianus Marcellinus // *Medioiranica. Orientalia Lovaniensia Analekta*. 48. Leuven, 1993.

53, 199-204; 19, 211; 54, 242]. Оно подтверждает общепринятое решение об ираноязычности сарматов и вероятность приведенных этимологий для названий ардарагантов и лимигантов. Боевой клич лимигантов сопоставляется со сведениями об аланах Клавдиана (Claud. Carm. 21, 109) [43, 84]. Трудно себе представить, что не только сарматы, но и другие варварские народы не бросались бы в атаку с каким-либо криком. Употребленное же Клавдианом слово *stridor* сложно признать за обозначение именно боевого клича. С шумом бросались в атаку и другие сарматы (Val. Flac. VI. 232). Окончательным же подтверждением правильности этимологического решения по боевому кличу лимигантов делает тот факт, что еще в XIX в. фиксируется боевой клич осетин «Марга» [55, 178], что упустили исследователи.

Гораздо сложнее оказалось объяснить поступок одного из лимигантов, бросившего перед атакой сапог в императора. А. В. Исаенко [2, 159-160, 187] сопоставил эпизод из истории лимигантов с эпизодом о предводителе венгров Лехеле (Легель), который ударом рога убил германского императора, собиравшегося его казнить. Этот рог особо почитался венгерскими ясами, потомуками бежавших от монголов северокавказских алан. В отношении второго сравнения следует заметить, что сам рог Лехеля представляет собой произведение средневекового византийского искусства. Лехель был реальным историческим предводителем венгров в X в., и потому сама история никак не может быть связана с северокавказскими ясами, появившимися гораздо позднее. Но, вполне вероятно, что рассказываемая ясами история была обработана ими на основании некоторых собственных традиций, о чем свидетельствует одно

из выражений рассказа [56, 7-8]. Самое большее, что может быть предположено в данном случае, это вероятность появления соответствующего сказания в период венгеризации ясов Ясшага, а для самих венгров некоторое влияние на восприятие собственной истории местной традиции, восходящей, например, к лимигантам. Но еще раз оговоримся, что все это только предположение, которое, видимо, навсегда останется в таком качестве.

Ю. С. Гаглойти [54, 242; 57, 138-140] справедливо замечает нелогичность данного поступка для лимигантов, желавших убить императора и имевших метательное оружие. Исследователь отмечает смешение в сюжете о мести Батраза за смерть отца Нартовском эпосе осетин (появление данного сюжета в кабардинском эпосе автор справедливо относит к подделке) названия какого-то чудесного оружия *cirq/ciryq* нарта Хамыца и близкого ему по звучанию *cyryq* – «сапог», «башмак». Такое же смешение он усматривает в сообщении Аммиана Марцеллина и ставит вопрос о возможном сарматском происхождении сюжетов о чудесном оружии нарта Хамыца.

Название некоего оружия в Нартовском эпосе, бесспорно, связано с осет. *cyrġ/cirġ* – «острый», закономерно восходящего к **tigra-* (*tig-* – «острый») [28, 313, 325]. Вполне логичным представляется решение многих исследователей, что под таким названием (*cīrq/cīryq/cīlq/cerq/čelq/čerq*) в эпосе могли подразумеваться меч или топор. Что же касается осетинского названия сапога *cyryq/culuq*, то оно идет из тюркского *čaruġ/čaruq/careq* – «сапог», «род кожаной обуви» [28, 326]. В одном из вариантов сказания указывается *basmaq* [58, 315], название которого, как и русское «башмак», заимствовано из тюркско-

го *bašmaq* [28, 239]. Конечно, Аммиан Марцеллин не мог спутать сарматские названия какого-то оружия и сапога, т. к. не владел их языком. Даже если какая-то информация о событиях шла через переводчика или какого-либо сармата, то и в таком случае путаница исключается. Учитывая же время столкновения Констанция II с лимигантами, следует вообще снять вопрос о возможной путанице названий, поскольку тогда еще не могло произойти заимствования из тюркского. Проникновение тюркского слова в осетинский язык могло произойти, в первую очередь, в период существования Хазарского каганата, когда знать, независимо от этнической принадлежности, одевалась по тюркской моде [59, 105].

Конечно, может показаться, что лимигант, бросивший сапог, был в состоянии крайнего возбуждения, что и вызвало его столь нелогичный порыв. Однако указание Аммиана Марцеллина на тщательное вынашивание в мыслях своих действий лимигантами заставляет искать в таком поступке определенную закономерность. Яростная атака лимигантов на императора не оставляет сомнений, что основной целью их нападения было убийство императора.

Определенная трудность в анализе сообщения Аммиана Марцеллина состоит в том, что фраза «*turbae cum missilibus*» («толпу с метательными орудиями») является результатом издательских исправлений «*turbae cum milibus*». В одной из рукописей и в двух старых изданиях присутствует исправление на «*turbae cum militibus*». Другие исследователи предлагали и свои варианты (*tumultibus, tot milibus, humilibus*). Но в нашем случае данная трудность не является принципиальной. Вполне прав Ю. С. Гаглойти, отмечавший, что в тексте Аммиана Марцеллина у сарматов

упоминаются и верруты (*verrutis*) – короткие копья, дротики, непосредственно использовавшиеся именно для метания [54, 242]. Поэтому сарматы действительно имели возможность их броском сразу уничтожить императора. Бросок же именно сапога только указывает на какую-то, по крайней мере, символическую важность демонстрации именно этого предмета одежды.

Обращаясь к материалам Нартовского эпоса осетин, следует признать, что они не позволяют допускать путаницу в сказании образов меча и сапога. Дело в том, что в самом сказании о мести Батраза за убийство его отца нартами главный герой наиболее ярко проявляет в своем характере черты, напрямую связывающие его с образом скифского Ареса-меча [60, 63-64, 256-257]. Следовательно, эпизод с наполнением сапогов/сапога Хамыца пеплом от шелковых тканей нартов не имеет отношения к представлениям о чудесном оружии. Данный мотив звучит в эпизоде, когда Батраз сам бросается в самую середину пламени костра. В комментариях собирателей Нартовского эпоса Г. и Дж. Шанаевых к определению используемого Батразом предмета указывается, что под таким названием следует понимать сапог и голенище сапога или сапоги с уменьшенным голенищем из красного сафьяна, с острыми подковами [61, 83, 90]. В тексте Аммиана Марцеллина для брошенного лимигантом сапога используется термин *calceus* – «башмак», «полусапог». Учитывая определенное разнообразие в формах сапог, совпадение понятий «полусапог» и «сапоги с уменьшенным голенищем» («башмак») позволяет предполагать наличие определенной связи между представлениями лимигантов и создателей Нартовского эпоса осетин о некоторых функциях этого предмета одежды.

В данной связи интересно привести наблюдение С. А. Яценко. Исследователь обратил внимание на факт снятия в ряде случаев с умершего одного сапожка в сарматских погребениях. Так, во впускной женской могиле, найденной Каховской экспедицией в 1968 г. (Любимовка, курган 26/2), при общей хорошей сохранности нижней части костюма обшивка голенища сапожка рядами из 50 пастовых коричневых бочонкообразных бус присутствовала только на левой ноге. Речь идет о снятии именно правого сапожка, особая ритуальная роль которого документируется у многих народов Евразии (клятва, принятие в новый род и т. д.). Автор наблюдения [62, 608] отсылает за подробным разбором семантики ритуального башмака к работе Е. И. Оятевой.

В ней, прежде всего, рассматривается обряд усыновления (принятия в род) у европейских народов. Согласно проанализированному в статье материалу, по закону родового строя, родство определялось по приобщению к единому тотему, которое выражалось в трапезе-поедании тотемного животного и вступлении родственников и принимаемого в родство в «след тотема», которым служил башмак, изготовлявшийся из шкуры с задней правой ноги животного, что соответствовало индоевропейской семантике «правое-левое» [63, 86-91].

Письменные источники не оставили нам описания соответствующего обряда у сарматов, но вероятное наличие у них такового косвенно подтверждают данные по скифам. Лукиан Самосатский (Лис. Тох. 48) свидетельствовал, что когда скиф хотел отомстить обидчику, но не имел для этого достаточных сил, он резал быка, варил его мясо, а сам садился на шкуру зарезанного быка. Его родственник или любой из скифов брал в руки кусок сваренного мяса, а правой

ногой наступал на шкуру, что служило клятвой помощи. По мнению исследователей [64, 186], все наступившие правой ногой на шкуру объединяли себя в одно существо с животным и друг с другом, тем самым связываясь узами общей крови. Аналогичный обряд некогда должен был существовать и у осетин, о чем свидетельствуют некоторые осетинские фразеологизмы и этнографические данные [65, 24-25; 66, 159].

Видимо, именно в ряду данных фактов следует рассматривать и эпизод о бросании сапога в римского императора лимигантом. Налицо открытая профанация обряда принятия римского императора в состав лимигантов. Такое поведение могло быть вызвано прежним благодеянием Констанция II по отношению к ардарагантам, когда те получили от него нового царя, а сам Констанций II мог рассматриваться как верховный правитель у прежних господ лимигантов, открыто носивший титул «Сарматский». Таким образом, лимиганты, потерпевшие жестокие беды от римлян и помогавших им ардарагантов, издевательски «низвели» императора до собственного уровня и готовы были уничтожить его именно в таком презренном с точки зрения самих врагов качестве. Ненависть лимигантов могла подогреваться и воспоминаниями о «коварстве» ардарагантов, призвавших на помощь римлян, что продемонстрировало им абсолютную беспринципность и близость «сильных мира сего».

Такая же профанация указанного обряда логично звучит и в нартовском эпизоде о наполнении пеплом сапога Хамыца. В убийстве отца Батраза принимали участие, прежде всего, представители рода Бората и Сайнаг-алдар из рода Алагата, т. е. два из трех нартовских родов. Другие материалы эпоса указывают, что истинными нартами

являлись лишь Ахсартагата, чем подчеркивается особая выдающаяся роль данного рода в эпическом обществе. Однако сами сюжеты свидетельствуют о признании истинными героями только непосредственных потомков Ахсартага. Такое положение не замедлило сказаться в участии в убийстве Хамыца и нескольких самых подлых из Ахсартагата. Таким образом, месть Батраза непосредственно распространилась на представителей всех трех родов нартовского общества.

Некоторая «затемненность» роли Алагата в убийстве отвечает общей тенденции эпоса «затемнять» позицию касты жрецов в древнем обществе. В то же время последующий вызов Батраза богам может указывать на замешанность в конфликте тех сил, которые находились в непосредственном общении со жрецами. Обращает на себя внимание, что Батраз уничтожает представителей трех каст через подчеркнутое издевательство над их функциями в обществе, что особенно наглядно представлено в его отношении к Бората [67, 39-44]. Следует полагать, что Батраз своим условием наполнить пеплом сапог отца в издевательской форме готов был принять всех в свой род, на члена которого они осмелились поднять руку. Ничемным нартам суждено было погибать с дополнительным осознанием своей ничтожности. Предлагаемая трактовка нартовского эпизода, на наш взгляд, представляется более вероятной, чем гипотезы о путанице сапога с каким-то оружием или о приношении средневековыми аланами духу умершего обуви, заполненной пеплом дорогих тканей, о «богине-секире» [68, 42; 69, 91-95].

Сам мотив последующего уничтожения Батразом нартов, после их безуспешной попытки наполнить сапог отца пеплом, напоминает об особой

роли сапогов в погребальной обрядности сарматов и алан. Так изображения (графитти) высоких сапог, которые появились вместе с центральноазиатскими аланами, были нанесены на стене здания «А» Неаполя Скифского. В некрополе Неаполя Скифского найден лепной сосуд в форме полусапожка. Такой сосуд-сапожок происходит из Каборги IV черняховской культуры [62, 285, 289], в создании которой активное участие принимали и сарматы. Для периода средневековья на Северном Кавказе в аланских погребениях отмечается сапожок-талисман из Архыза. К сожалению, по материалам публикаций сложно определить значение находки черного сафьянового сапога (венгерского) из Хасаутского могильника. О возможной ритуальной роли сапогов может свидетельствовать обтягивание подобной обуви тканью жителями Змейского городища, что делало ее непригодной для повседневного использования. Столь же непригодными представляются женские сапожки из II Пазырыкского кургана, подошвы которых были расшиты кристаллами пирита и бисером [59, 59]. Возможно, определенным образом с представлениями о необходимости надения покойного сапогами, не связанными с миром живых, соотносится осетинский обряд надения покойного сафьяном для изготовления двух пар сапог на том свете.

Итак, подведем некоторые итоги. Сарматы, обитавшие в IV в. в Придунавье, были потомками языгов и роксолан и, вопреки мнению некоторых современных исследователей, сохраняли свои этнокультурные особенности. Их сложившиеся родо-племенные объединения отличались между собой формами правления. Вполне вероятно, что названия «ардараганы» и «лими-

ганты» изначально были социальными терминами, вышедшими впоследствии на квазиэтническое восприятие, что имеет свои параллели в развитии восприятия термина *alan*. Особый интерес представляет наметившаяся связь между традициями лимигантов и материалами Нартовского эпоса осетин. Если учитывать факт наличия языгских корней в формировании лимигантского

объединения, то необходимо вспомнить и о решении современных исследователей об участии потомков языгов, переселенных после 175 г. в Британию, в формировании знаменитой Артураины, материалы которой также имеют прямые параллели с материалами Нартовского эпоса осетин.

1. Колосовская Ю. К. Рим и мир племен на Дунае I – IV вв. н. э. М., 2000.
2. Исаенко А. В. Миграции североиранцев в Румынию, на Средний Дунай и в Венгрию // Кавказ и цивилизации Востока в древности и средневековье. Владикавказ, 1993.
3. Ременников А. М. Борьба племен Среднего Дуная с Римом в 350-370 гг. н. э. // ВДИ. 1960. № 3.
4. Хазанов А. М. Социальная история скифов. М., 1975.
5. Нефедкин А. К. Комплектование и состав войска сарматов и аланов в I–II вв. по данным античных источников // Материалы международной научной конференции «Боспорский феномен: Колонизация региона. Формирование полисов. Образование государства». СПб., 2001. Ч. 2.
6. Рикман Э. А. Этническая история населения Поднестровья и прилегающего Подунавья в первые века нашей эры. М., 1975.
7. Šeška J. Об истреблении лимигантов // Mnesta Vladimir Groh. 1964.
8. Смирнов К. Ф. Сарматы на Илеке. М., 1975.
9. Смирнов К. Ф. Производство и характер хозяйства ранних сарматов // СА. 1964. № 3.
10. Железчиков Б. Ф. Ранние кочевники Южного Приуралья: Автореф. ... канд. ист. наук. М., 1980.
11. Медведев А. П. Сарматы и лесостепь. Воронеж, 1990.
12. Акбулатов И. М. Характер и протяженность маршрутов кочевания народов южноуральских степей (VI в. до н. э. – IV в. н. э.) // Башкирский край. Уфа, 1996. Вып. 6.
13. Савельев Н. С. К вопросу о поселенческих памятниках ранних кочевников Южного Урала // Уфимский археологический вестник. Уфа, 1998. Вып. 1.
14. Буданова В. П. Готы в эпоху Великого переселения народов. СПб., 1999.
15. Nagy M. The Hasdingian Vandals in the Carpathian Basin // Specimina Nova Universitatis Quinqueecclesiensis. 1993.
16. Maench-Helfen O. Germanic and Hunnic Names of Iranians Origin // Oriens. Leiden, 1957, Vol. X, Nr. 2.
17. Яценко С. А. Костюм древней Евразии (ираноязычные народы). М., 2006.
18. Шафарик П. I. Славянскія древности. М., 1848. Т. I. Кн. I.

19. Зураев А. П. Северные иранцы Восточной Европы и Северного Кавказа (савроматы, скифы, сармато-аланы, анты, яссы и осетины). Нью-Йорк, 1966. Т. I.
20. *Harmatta J.* Studies on the History of the Sarmatians. Budapest, 1950.
21. *Lebedynsky Ia.* Les Sarmates. Amazones et lanciers cuirasses entre Oural et Danube (VIIe siecle av. J.-C.-VIe siecle ap. J.-C.). Paris, 2002.
22. *Иитванович Э., Кульчар В.* Проблемы изучения социальной структуры сарматов Карпатского бассейна // Международная научная конференция «Проблемы истории и культуры сарматов». ТД. Волгоград, 1994.
23. *Ременников А. М.* К истории сарматских племен на Среднем Дунае // Ученые записки государственного педагогического института. Казань, 1957. Вып. 12.
24. *Barcoczy L.* Transplantations of Sarmatians and Roxolans in the Danube Basin // *Acta Antiqua et Archaeologica.* Budapest, 1959. Vol. VII. Fasc. 2.
25. *Parducz M.* Archäologische Beiträge zur Geschichte der Hunnenzeit in Ungary // *Acta Archaeologica Akademie Hungaricae.* Budapest, 1959. Vol. XI.
26. *Сулимирский Т.* Сарматы. Древний народ юга России. М., 2007.
27. *Гаглойти Ю. С., Абаев В. И.* Аланы в Предкавказье (I-IV вв.) // История Северо-Осетинской АССР с древнейших времен до наших дней. Орджоникидзе, 1987. Т. I.
28. *Абаев В. И.* Историко-этимологический словарь осетинского языка. М., 1996. Т. I.
29. *Zgusta L.* Die Personennamengriechichte Städte der nördlichen Schwarzmeerküste. Praha, 1955.
30. *Козырева Т. З.* Осетинская антропонимия древнего и средневекового периода // Ономастика Кавказа. Махачкала, 1976.
31. *Чёнг Д.* Очерки исторического развития осетинского вокализма. Владикавказ – Цхинвал, 2008.
32. *Bailey H. W.* Iranian arya- and daha-// *Transactions of The Philological Society.* Hertford, 1959.
33. *Богомолов М. Н., Смирнова О. И.* Согдийские документы с горы Муг. Вып. III. Хозяйственные документы. М., 1963.
34. *Грантовский Э. А.* Ранняя история иранских племен Передней Азии. М., 1970.
35. *Grantovsky E.* Scythian Ethnogenesis. The Evidenge of Language // *Eurasia Scythica.* Paris-Vladikavkaz/Dzæwdžyqæw, 2006. Vol. I. № 1.
36. *Яйленко В. П.* Гунно-булгары II-IV вв. н. э. на Боспоре по данным эпиграфики и антропонимики // Древности Боспора. М., 2002. Вып. 5.
37. *Откупщиков Ю. В.* Opera philologica minora (античная литература, языкознание). СПб., 2001.
38. *Абаев В. И.* Историко-этимологический словарь осетинского языка. М., 1996. Т. II.
39. *Андроникашвили М.* Очерки по иранско-грузинским языковым взаимоотношениям, I. Тб., 1966.
40. *Бенвенист Э.* Словарь индоевропейских социальных терминов. М., 1995.
41. *Джавахадзе Н. В.* Система родства осетин. Тбилиси, 1989.
42. *Туаллагов А. А.* Аланы-арии // Материалы Международной научной кон-

- ференция «Актуальные проблемы иранистики и теории языкознания». Владикавказ, 2002.
43. *Габуев З. К.* Этногонические представления древних кочевников Великой Степи: иранцы и тюрки. М., 2002.
 44. *Алемань А.* Аланы в древних и средневековых письменных источниках. М., 2003.
 45. *Frye R. N.* Ossete-Central Asian Connections // *Studia Iranica et Alanica. Festschrift for Prof. Vasilij Ivanovich Abaev on the Occasion of His 95th Birthday. Serie orientale Roma. Rome. 1998. Vol. LXXXII.*
 46. *Нефедкин А. К.* Под знаменем дракона. Военное дело сарматов во II в. до н. э. – V в. н. э. СПб.-М., 2004.
 47. *Ростовцев М. И.* Сарматы // *Петербургский археологический вестник. СПб., 1993. № 3.*
 48. *Мизиев И. М.* Этнографические данные об этногенезе балкарцев и карачаевцев // *Этнография и современность (Материалы Всесоюзной этнографической сессии, посвященной 60-летию образования СССР).* Нальчик, 1984.
 49. *Мизиев И. М.* Шаги к истокам этнической истории Центрального Кавказа. Нальчик, 1986.
 50. *Гаглойти Ю. С.* Действительность и домыслы (по поводу книги И. М. Мизиева «Шаги к истокам этнической истории Центрального Кавказа») // *ИЮОНИИ. 1987. Вып. XXXI.*
 51. *Мизиев И. М.* История рядом. Нальчик, 1990.
 52. *Миллер В.* Осетинские этюды. Владикавказ, 1992.
 53. *Szemerényi O.* *Iranica // Zeitschrift der Deutschen Morgenlandische Gesellschaft. Leiden, 1951. Bd. 101.*
 54. *Гаглойти Ю. С.* Аланика. Сведения греко-латинских, византийских, древнерусских и восточных источников об аланах-ясах // *Дарьял. 1999. № 4.*
 55. *Гарданов М. К.* Селение Христиановское в фактах жизни. Историко-статистико-экономический и революционный очерк // *Известия СОНИИК. 1925. Вып. I.*
 56. *Абаев В. И.* О венгерских ясах // *Осетинская филология. Орджоникидзе, 1977.*
 57. *Гаглойти Ю. С.* Некоторые вопросы цикла Сослана-Сосруко в нартском эпосе // *Материалы Международной научной конференция «Актуальные проблемы иранистики и теории языкознания».* Владикавказ, 2002.
 58. *Нарты.* Осетинский героический эпос. М., 1990. Кн. 1.
 59. *Доде З. В.* Средневековый костюм народов Северного Кавказа. Очерки истории. М., 2001.
 60. *Дюмезиль Ж.* Осетинский эпос и мифология. М., 1977.
 61. *Нарты.* Осетинский героический эпос. М., 1991. Кн. 3.
 62. *Яценко С. А.* Костюм ираноязычных народов древности и методы его историко-культурной реконструкции: Дисс. ... докт. ист. наук. М., 2002.
 63. *Оятева Е. И.* О семантике ритуального башмака // *АСГЭ. 1978. Вып. 19.*
 64. *Фрэзер Д. Д.* Фольклор в Ветхом Завете. М., 1985.

65. Алборов Ф. Ш. Об одном фразеологизме в осетинском // Кавказ. Владикавказ, 1992.
66. Чочиев А. Р. Нарты-арии и арийская идеология. М., 1996. Кн. 1.
67. Дюмезиль Ж. Скифы и нарты. М., 1990.
68. Яценко С. А. Костюм ираноязычных народов древности и методы его историко-культурной реконструкции: Автореф. диссертации ... докт. ист. наук. М., 2002.
69. Бесолова Е. Б. Еще раз о слове «цирхъ/цирыхъ» из нартовских сказаний осетин // NARTAMONGÆ. The Journal of Alano-Ossetic Studies: Epic, Mithology & Language. Paris-Vladikavkaz/Dzæwdžyqæw, 2007. Т. IV. № 1, 2.